

Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. 2013. Проблемы доверия в отношениях работодатель – работник. – *Современные проблемы науки и образования*. № 5. Доступ: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10358> (проверено 19.08.2016).

Фукуяма Ф. 2006. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ; Хранитель. 730 с.

Экономика и социология доверия (под ред. Ю.В. Веселова). 2004. СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. 192 с.

TARASOVA Anna Nikolaevna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University (6 Volodarskogo St, Tyumen, Russia, 625003; a.n.tarasova@mail.ru)

ANDRIANOVA Elena Vladimirovna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Chair of General and Economic Sociology, Tyumen State University (6 Volodarskogo St, Tyumen, Russia, 625003; andrelena78@mail.ru)

INNOVATION ACTIVITY AND INTRA-TRUST: THE PROBLEM OF RELATIONSHIP

Abstract. The article discusses the relationship between innovation activity and intra-confidence. The authors propose and confirm the hypothesis of a statistically significant correlation between the intra-confidence and innovation activity of employees. The basic research methods of the article are correlation analysis and index method. The paper used the results of monitoring surveys of the Tyumen region population in 2013 and 2016. The authors designate the problems, which solution would result in the growth of innovative activity of employees.

Keywords: innovation activity, employee, employer, trust, social capital, modernization

ПОСУХОВА Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; belloks@yandex.ru)

СЕРИКОВ Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; avserikov@srfedu.ru)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО МИРА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ЮГА РОССИИ

Аннотация. В статье проводится анализ состояния межэтнических отношений на Юге России, их восприятия и оценки молодежью региона. Авторы приходят к выводу, что имплементация американского опыта может осуществляться по модели селекции – отбора механизмов регулирования этнических отношений на основании их адекватности сложившимся социокультурным реалиям, этнокультурной и этносоциальной специфике регионального пространства.

Ключевые слова: межэтнические отношения, имплементация, российская молодежь, национальная политика, социальная интеграция молодежи

Рассматривая состояние межэтнических отношений на Юге России, следует подчеркнуть, что повышенный исследовательский интерес здесь вызывает состояние молодежной среды. Исходя из того, что существует востребованность анализа этого процесса в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и укрепление этнокультурного развития России (2014–2020 гг.)», можно говорить о том, что поколение молодых россиян представляет «экспериментальное поле» для апробирования схем формирования гражданской общероссийской идентичности, для выявления того, какие факторы способствуют тенденции укрепления чувства общности населения Юга России или ослабляют ее.

Несмотря на достаточно обширный массив работ, посвященных путям социальной интеграции молодежи и ее профессиональных и образовательных стратегий [Константиновский, Вознесенская, Череднеченко 2014], ценностям молодежной среды [Зубок 2014], проблема состояния межэтнических отношений в молодежной среде является в достаточной степени периферийной. Это обстоятельство вынуждает говорить о необходимости исследования интеграционного потенциала, так же как и дезинтеграционных рисков в молодежной среде в контексте межэтнических отношений.

Кроме того, данный аспект имеет самое непосредственное прикладное значение в рамках ориентации на общероссийские и этнические ценности, перехода молодежи от традиционной культуры, которая характеризуется высоким уровнем преемственности и в то же время содержит риски архаизации и обособления, к интегрирующим (базовым) ценностям, включающим этническое разнообразие как основу для общесоциального и общекультурного единства народов России.

Таким образом, целью данной статьи является возможность имплементации американского опыта регулирования межэтнических отношений для Южно-Российского региона, что определяет три взаимосвязанных исследовательских момента: во-первых, сравнительный анализ этнополитической и этнокультурной ситуации в США и в Южно-Российском регионе, во-вторых, мониторинг динамики ценностных предпочтений молодежи Юга России в контексте преломления американского опыта, в-третьих, степень имплементации различных аспектов межэтнических отношений (интеграционных моделей, институциональных практик, ценностной политики).

Подчеркивая, что американская модель интеграции восходит к государственно-гражданской модели, необходимо осознавать, что среди молодежи Юга России преобладает иррациональное чувство – любовь к Родине – России (женщины – 46%, мужчины – 39%)¹. Модальный показатель свидетельствует о том, что независимо от гендерных различий в молодежной среде действует схема традиционной интеграции, основанной на эмоциональной привязанности, которая может показаться иррациональной в рамках соотнесения с интеграционными моделями, но имеет объяснение в том, что можно назвать если не любовью, то верой в государство как высшую ценность.

Иными словами, молодежь Юга России, придерживаясь позиции любви к родине, выносит за скобки условия интеграции, характерные для американской модели (общегражданские ценности, приоритет права, особая историческая миссия Америки). Для них является очевидным, что общество основывается на

¹ Исследование было проведено в рамках проекта «Мир – Кавказу» и организовано Южным федеральным университетом в 2015 г. Были опрошены 1 500 респондентов в Ростовской обл., Краснодарском крае, Ставропольском крае, Республике Адыгея, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северная Осетия-Алания и Чеченской Республике.

государственности и любовь к России — это безусловное свидетельство интегрированности в общество.

В таком контексте американская интеграционная модель не может быть перенесена в условия России автоматически, т.к. она ожидаемо вызовет эффект сопротивления в рамках чувства любви как не требующего рационального обоснования и не включающего договорные отношения между личностью и обществом.

Иными словами, интерес в американской модели интеграции вызывает то, что затрагивает проблемы формирования гражданской идентичности. Согласно данным опроса, 29% респондентов-женщин и 24% мужчин полагают, что в основе чувства общности молодежи должно лежать чувство согражданства. Интерпретация данной позиции ориентирует на то, что существуют смысловые семантические расхождения между трактовкой гражданства в американской этнокультурной среде и в настроениях российской молодежи. Если для американской модели интеграции свойственно доминирование механизмов привития гражданских ценностей и формирование чувства американского патриотизма, связанного с определенным моральным превосходством американской нации в мире, ее осознание как лидера современной цивилизации [Дегтярев, Посухова 2015], то в российском контексте чувство согражданства определяется принятием формулы взаимных обязательств между личностью и государством. В определенной степени это объясняет то, что 31% респондентов исходят из представления, что уважение к государству есть формула общности.

По существу, это модернизированный вариант «любви к Родине» в том смысле, что государству предъявляются определенные партнерские обязательства, что уважение к государству является не символом веры, а переходом от позиционного доверия к системному — к тому, чтобы считать реальными перспективы развития в России сильного государства, не только обладающего военной мощью, международным авторитетом и богатой историей, но и действующего во имя блага граждан.

При этом не следует забывать, что позиция сторонников уважения к государству связана и с осознанием недопустимости повторения опыта хаоса и дезинтеграции начала 90-х гг. XX в., которые негативно отразились на населении Юга России, ощутившем на себе последствия дезинтеграции и этносепагатизма.

В таком контексте имплементация американского опыта интересна тем, что интеграционная модель в США включает идеологию «американской мечты», и это связано не только с культивированием веры в то, что Америка открыта для мигрантов, что она — «прибежище для всех страждущих и обездоленных, но питаемых надеждами» [Дегтярев 2015]. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что американская мечта, являясь индивидуальной, содержит презумпцию коллективности, согласия в том, что США если и не рай на земле, то общество, создавшее формы интеграции представителей различных народов, рас и верований, т.к. это страна с «уникальной структурой населения» [Лобанова 2004: 2].

Для молодежи Юга России свойственно понимание общего будущего страны (женщины — 41%, мужчины — 33%) как гарантии ее единства, как уже отмечалось выше, системное доверие, ставка на связь своего будущего с будущим России. Это важно в условиях определенной мифологизации по поводу роста мигрантских настроений российской молодежи, которые представляют непосредственную угрозу национальной безопасности. Американский опыт — это опыт общества иммигрантов [Дегтярев 2015: 99]. Для российской молодежи в понимании общего будущего со страной значимую роль играет чувство укорененности, связи с традицией, ощущение преемственности поколений и ответственности за судьбу своей страны.

В этом смысле американская интеграционная модель содержит позитивное зерно в том, что не просто обещает лучшее будущее, но и мобилизует американское общество на признание вклада различных этнических и этнорасовых групп в будущее Америки. Поэтому для России и актуальна имплементация американского опыта — опыта равенства различных этнических групп в созидании будущего страны.

В рамках имплементации американского опыта в условиях Юга России небезинтересным является тот факт, что в ответах на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, должно лежать в основе чувства общности и единства молодежи?» — и молодежь из республик «умеренного пояса» с относительно большой долей русского населения (Адыгея, Кабардино-Балкария, Северная Осетия—Алания), и молодежь из русскоязычных регионов и республик с укоренившейся исламской традицией (Дагестан, Чечня) придерживается практически одинаковых позиций (65% : 63%) — они выделяют уважение к традициям народов России.

Это свидетельствует о том, что для молодежи из региона со смешанным составом населения, с ощутимым влиянием социокультурной модернизации традиции не выступают интегративным механизмом. Молодежь из других исследуемых регионов выражает поддержку данной позиции, но здесь следует подчеркнуть, что для данного сегмента молодежи характерен упор на традицию как механизм этнической компенсации и этнической мобилизации. В этом смысле речь идет о том, что уважение к традиции может являться свидетельством межэтнического нейтралитета или безразличия, признания этничности в качестве маркера равенства в этнических группах.

В то же время позиция первой группы определяется тем, что молодежь воспринимает традицию как хотя и позитивную, но архаичную для реализации консолидации народов России. Очевидно также и то, что общее будущее страны этой группой молодежи рассматривается как более привлекательная цель по сравнению с другими исследуемыми группами. Можно предположить, что наблюдается процесс модернизации патриотических установок. Однако с подобными выводами не стоит торопиться, поскольку ситуация в Кабардино-Балкарии, Адыгее, Северной Осетии, хотя не является этноконфликтной, имеет потенциальные риски, связанные не столько с межэтническими отношениями, сколько с негативными социально-демографическими и социально-экономическими процессами.

В США наблюдается негативная динамика патриотических настроений. С 2003 г. процент молодежи, гордящейся своей страной, упал почти вдвое — с 60% до 34%¹. Это не является доказательством неэффективности американской интеграционной модели, но в рамках имплементации опыта США следует учитывать, что формула американского патриотизма, построенного на признании миссии США в мире, адекватна российским реалиям в той степени, в какой российская молодежь определяет основное направление патриотизма как образ светлого будущего. Иными словами, патриотизм российской молодежи во многом проективен, в то время как американский патриотизм основывается на величии США как исторической данности.

Рассматривая такой аспект, как имплементация американского опыта ценностной политики в стабилизации межэтнических отношений в молодежной среде, следует отметить, что в сфере межэтнических отношений на Юге России в нынешних условиях ценностная политика, в отличие от опыта США [Фролова, Посухова, Сериков 2015], не введена в публичный дискурс. Однако по этому основанию не следует «с порога» игнорировать зарубежный опыт. Дело в том, что

¹ Уровень падения американского патриотизма напоминает о судьбе СССР. — *Взгляд. Деловая газета*. Доступ: <http://www.vz.ru/world/2016/7/6/820006.html>

для молодежи Юга России, как свидетельствуют результаты ранее упомянутого исследования, культурные интересы и национальные особенности выступают в качестве факторов разъединения молодежи (в среднем 44%).

В такой ситуации ценностная политика становится аттрактивным фактором, т.к. в ее рамках, если основываться на американском опыте, формируются дискуссионные площадки для определения публичных ценностей, обладающих интегративным потенциалом. Исходя из того, что национальные особенности квалифицируются молодежью региона как разъединяющий фактор, связанный и с поведенческими практиками, и с ценностными ориентациями, можно говорить о перспективе формирования дискуссионных площадок на уровне участия представителей административных структур, молодежных организаций, работников сферы образования и культуры.

Формат ценностной политики США определяется аксиологическим поворотом, ориентирован на предельно широкое участие гражданских ассоциаций, представляющих этнические группы [Ценностная политика... 2015]. В условиях Юга России актуальной является синхронизация работы по внедрению современных культурных и образовательных стандартов в молодежной среде с одновременным включением механизма селекции этнических ценностей – достижением соглашения относительно того, какие этнические ценности могут внести позитивный вклад в стабилизацию межэтнических отношений.

В этом смысле ценностная политика может разворачиваться на уровне муниципальных и региональных образований, основываясь на том, что наиболее конструктивным выглядит регион со смешанным населением. Правда, при этом не следует забывать, что в данном регионе наблюдались и наблюдаются значимые негативные подвижки, связанные с изменением социально-демографической структуры населения, ухудшением качества образования и перезагруженностью муниципальных образований инфраструктурными и социально-бытовыми проблемами.

Имплементация американского опыта возможна в пределах запуска пилотных проектов, связанных с созданием и функционированием форумов, дискуссионных клубов на постоянной основе с привлечением локальных и региональных информационных ресурсов. Значение американского опыта, таким образом, определяется тем, в какой степени развиты традиции местного самоуправления и социальной самоорганизации молодежи в регионе, каковы возможности и ресурсы молодежной политики.

Что касается других регионов (регионы Юга России с преимущественно русским населением – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская обл.), здесь следует иметь в виду специфику, связанную с попыткой интродукции казачьей культуры в Краснодарском крае при интенсивной поддержке регионального руководства с опорой на взаимодействие с национально-культурными обществами на Ставрополье и в Ростовской обл., которая дает основания говорить об ограниченных возможностях ценностной политики. Имеется в виду, что здесь молодежь ориентирована на поддержание чувства общности, исходящего из государственно-гражданской модели интеграции. Это обстоятельство определяет границы трансфера зарубежного опыта в рамках налаживания горизонтальных отношений между молодежными структурами, ориентированными на сферу межэтнических отношений.

Иными словами, требуются усилия по ренессансу молодежных движений, которые, в отличие от традиционных субъектов в сфере межэтнического взаимодействия, в условиях предоставления автономного статуса могут стать структурами низовой инициативы, выступить стартовыми площадками для формирования локальных моделей ценностной политики. Конкретизируя эту

мысль, можно говорить о том, что молодежь в данном регионе ощущает эффект «культурной пустоты». На этом фоне усилия по возрождению казачьей культуры имеют позитивный эффект для старшего и среднего поколения. Также нельзя отрицать и роль национально-культурных общин в поддержании этнических традиций.

Однако ценностная политика связана с приходом поколения «менеджеров от политики», обладающих определенными организационными, технологическими коммуникативными качествами, способными задействовать ценностную политику в режиме ожидания. Из результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что для молодежи значимыми являются общекультурные дифференциации, и это имеет позитивное значение, т.к. ценностная политика не может носить исключительно нейтрализующий характер, выступать в качестве основного инструмента снижения напряженности в межэтнических отношениях.

Короче говоря, ценностная политика является «ресурсом будущего» в регулировании межэтнических отношений в молодежной среде. Ее привлекательность определяется тем, что формируется возможность обсуждать этнокультурные различия в позитивном контексте, в отношении к общегражданским ценностям, которые в молодежной среде в основном одобряются, но на уровень их восприятия влияет общекультурная дифференциация.

Проблема заключается в том, что, хотя в современной России выросла доля лиц с высшим образованием, общекультурный потенциал молодежи снижается. Молодежная среда стремительно дифференцируется по субкультурным сегментам, и ценностная политика привлекательна тем, что формирует запрос на культурно компетентную молодежь, на лидеров, обладающих общекультурным потенциалом.

Вместе с тем для региона с традиционалистским уклоном следует учитывать, что в создавшейся ситуации, и это особенно проявляется в Чечне, региональные власти склонны поддерживать идеи традиционного ислама как способ морального и культурного воспитания молодежи, нейтрализации рисков потребительства и радикализма. Разумеется, деструктивность отмеченных влияний неодинакова, но в одинаковой степени наблюдается разрыв поколений, падение авторитета власти и формирование параллельных молодежных структур.

Ценностная политика в создавшихся условиях может принимать конфронтационный характер, и это отмечается на уровне конфликтов между сторонниками традиционного и радикального ислама. Поэтому реализация ценностной политики предполагает ее инициирование на уровне местной интеллигенции, в университетской среде, в СМИ. Следует также сказать о том, что в условиях многонационального Дагестана плодотворным представляется развертывание кампании по пропаганде общих для народа Дагестана ценностей, а в условиях Чечни традиционализация общественной жизни не означает запрета на диалог по поводу ценностей, влияющих на систему государственного управления.

Речь идет о том, что актуализация норм адата вне диалога о ценностях приводит к архаизации, этническому дистанцированию, и в данном контексте важно, чтобы нормы адата интерпретировались по критерию модернизационности их использования в рамках установления диалога различных групп молодежи. Итак, ценностная политика как модель опыта США может быть перенесена в сферу межэтнических отношений Юга России дифференцированно, с учетом сложившихся административно-правовых и социокультурных реалий.

Отмечая, что институциональные практики в сфере межэтнических отношений Юга России характеризуются доминированием властных структур и формат межэтнических отношений задается официальным дискурсом, можно гово-

речь о том, что формальные институциональные практики имеют перспективу повышения эффективности при учете американского опыта самостоятельности муниципальных и региональных структур в проведении повседневной этнической политики. То есть, в нынешних условиях явно выражен запрос на более активную роль региональных структур в формировании национальной политики. Особенно это касается ее социально-бытового аспекта – наделяния регионов и муниципальных образований самостоятельностью в определении социальных и социально-экономических программ. В той же степени может подлежать обсуждению вопрос о самостоятельности регионов в определении параметров миграционной политики: ее квотности; квалификации преференциальных групп, связанных с реальными потребностями региона в квалифицированных работниках; сохранения сложившегося этнодемографического баланса.

Очевидно, что для молодежи Юга России актуальными являются проблемы, связанные с безработицей, низкими доходами, сложностями семейной жизни, отсутствием перспектив проведения досуга и развлечений. Отмеченные факторы влияют на оценку межэтнических отношений, поэтому здесь не следует ограничиваться традиционными формами, связанными с межкультурным диалогом. Так, по результатам проведенного социологического исследования можно отметить, что большинство мужчин (58%) и женщин (43%) только слышали о таких формах межкультурного диалога, как межнациональные фестивали, спартакиады.

Проблема заключается не только в недостаточной информированности молодежи о проводимых мероприятиях, но и в том, что данные формы в определенной степени устарели, забюрократизированы, вовлекают в процесс межэтнического диалога всего 6–8% молодежи. В этом контексте полезным является освоение американского опыта, связанного со «спуском» этих мероприятий на низовой уровень, на уровень образовательных учреждений (школ, вузов, трудовых коллективов) [Томилина 2016]. После событий 2001 г. в США особое внимание уделяется межэтническому диалогу в рамках самостоятельных молодежных объединений, реализации локальных проектов, которые внешне не выглядят массовыми и масштабными, но актуализируют систему сетевого взаимодействия, интенсифицируют межличностные контакты молодежи.

В этом смысле американский опыт полезен тем, что ориентирует на доминирование малых форм активности молодежи и вместе с тем содержит возможность имплементации неформальных практик, которые вырастают из собственного опыта молодежи.

В регионах Юга России (ЮФО и СКФО) заслужили высокую репутацию такие площадки культурного обмена и коммуникации, как «Машук» и «Каспий». И сейчас речь идет о том, чтобы внедрить эти коммуникативные схемы в качестве модели в других частях региона (например, «Кубань», «Причерноморье», «Тихий Дон»). Дело не столько в брендовых названиях, сколько в том, что опыт коммуникации на отмеченных форумах пока ограничивается взаимодействием северокавказских культур, а следует актуализировать также казачью и русскую культуру, повысить их потенциал в налаживании межкультурного диалога.

Этот процесс связан со сложностями, т.к. для большинства молодежи региона казачья культура хотя и вызывает уважение, но воспринимается ритуально. Ее актуальность в сфере межэтнических отношений признают в высоком значении только 8% опрошенных, и явно прослеживается ее отторжение среди молодежи республик. Таким образом, межкультурный диалог требует более тесных контактов, связанных с освоением казачьей культуры, с искоренением имиджа казаков как «жандармов», который приписывался им в период этносепаратизма 1990-х гг. В какой-то степени неприятие казачьей культуры молоде-

жью республик связано с ее официализацией, моноцентристской направленностью.

Американский опыт неформальных практик показывает, что автономизация межкультурного диалога характеризуется разнообразием этнических культур и одновременно включает механизмы гражданско-патриотической консолидации [Ценностная политика... 2015]. В рамках межкультурного диалога на Юге России полезным представляется включить в межкультурный диалог представителей как традиционных культур, так и субкультурных групп. И не последнюю роль и помощь в этом могут оказать гуманитарные технологии [Тхагапсоев 2009: 16].

Ясно, что для российской молодежи мода на патриотизм (50%) является более конструктивным фактором, чем насаждаемый в последнее время космополитизм, однако в условиях Юга России очевидна тенденция перехода от патриотизма как «моды» к патриотизму как поведенческой стратегии. В этом смысле имеется потенциал позитивного роста патриотизма. Здесь речь идет о том, что популярность патриотической идеи может конвертироваться в реальность социального поведения и активность молодежи при условии соединения национального и регионального патриотизма с общероссийским.

Таким образом, имплементация американского опыта в сфере регулирования межэтнических отношений применительно к условиям Юга России определяется, во-первых, селекцией форм, способных повысить эффективность интеграционных процессов в молодежной среде; во-вторых, тем, что, не абсолютизируя американский опыт, все же можно говорить о полезности самостоятельности региональных и локальных структур в реализации стратегии национальной политики РФ.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Список литературы

Дегтярев А.К. 2015. Управление миграционными потоками в США: политика снижения конфликтогенного потенциала. – *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4(167). С. 98-107.

Дегтярев А.К., Посухова О.Ю. 2015. Сфера межэтнических отношений как предмет современных научных исследований в США. – *Социально-гуманитарные знания*. № 9. С. 106-117.

Зубок Ю.А. 2014. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи. – *Власть*. № 11. С. 39-43.

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Череднеченко Д.А. 2014. *Молодежь России на рубеже XX–XXI вв. Образование, труд, социальное самочувствие*. М.: ЦСПиМ. 548 с.

Лобанова Л.А. 2004. *Этнические и расовые отношения в США: проблемы государственного управления. Ретроспектива и современность*: автореф. дис. ... к.полит.н. М.: Изд-во РАГС. 20 с.

Томилина С.Н. 2016. Военно-патриотическое воспитание учащихся вузов США. – *Педагогическое мастерство: материалы VIII Международной научной конференции*, г. Москва, июнь 2016 г. М.: Буки-Веди. С. 174-178.

Тхагапсоев Х. Г. 2009. Гуманитарные технологии: методологические проблемы и ценностные измерения. — *Научная мысль Кавказа*. № 1(57). С. 16-27.

Фролова А.С., Посухова О.Ю., Сериков А.В. 2015. Отражение ценностной политики в сфере межэтнических отношений в СМИ США. — *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 7. № 7-2. С. 167-171.

Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой (отв. ред. Ю.Г. Волков). 2015. Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 316 с.

POSUKHOVA Oksana Yur'evna, Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; belloks@yandex.ru)

SERIKOV Anton Vladimirovich, Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; avserikov@srfedu.ru)

IMPLEMENTATION OF THE AMERICAN EXPERIENCE OF REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CONCORD AMONG THE YOUTH OF THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes of the current interethnic relations in the South of Russia, their perception and assessment by the youth of the region. The authors conclude that the implementation of the American experience can be realized through the selection model that is through the selection of ethnic relations regulation mechanisms basing on its adequacy to socio-cultural realities, ethno-cultural and ethno-social specifics of the regional space.

Keywords: interethnic relations, implementation, Russian youth, national policy, social integration of youth

---

НИКОЛАЮК Елена Андреевна — аспирант кафедры демографии департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; enikolayuk@hse.ru)

ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ЕЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье автор анализирует структуру базовых ценностей молодежи России и европейских стран, определяет существующие в ней противоречия в связи с самосохранительным поведением. Статья опирается на данные Европейского социального исследования и личные интервью с людьми в возрасте 15–29 лет. Результаты анализа показывают низкую ценность здоровья, несвоевременное самосохранительное поведение молодежи и важность увеличения роли государства в снижении рисков для ее жизни и здоровья.

Ключевые слова: молодежь, ценности, самосохранительное поведение, здоровье, внешние причины смерти

Молодежь — это будущее любого общества, поэтому анализ ее поведения и ценностей помогает смоделировать будущие характеристики общества.